

Николай БОНДАРЬ,
судья Конституционного Суда
Российской Федерации,
доктор юридических наук,
профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
заслуженный юрист РФ

Несмотря на относительно непродолжительный политический «возраст» наших судов (с разницей лишь в пять лет), ими накоплен богатый и, не будет преувеличением сказать, уникальный опыт деятельности на переломных этапах формирования и развития новой государственности России и Украины. Сами же органы конституционного контроля по праву стали символами (и реальными факторами!) утверждения и защиты демократических институтов нового конституционного строя своих государств.

Это позволяет не только оценить отдельные стороны организации и деятельности наших судов, но и перейти к всестороннему анализу закономерностей развития этой формы государственно-властной деятельности. Одним из направлений таких исследований могла бы стать онтология современного конституционного правосудия (от греч. *on* – «бытие», *logos* – «слово») как учение о всеобщих основах, принципиальных началах и закономерностях функционирования, бытия конституционного правосудия – особого института государственно-властной деятельности по обеспечению баланса конституционных ценностей и

Онтология современного конституционного правосудия: в поиске баланса власти, собственности, свободы

При всех особенностях организации и функционирования органов конституционного правосудия России и Украины, для которых 2011 год является юбилейным, у них есть то общее, что отражает саму их природу, предопределяет сущностные характеристики Конституционных Судов как важнейших институтов демократической правовой государственности.

защите высших интересов личности, общества, государства*.

Онтология («наличное бытие») современного конституционного правосудия воплощает в себе не только институционную характеристику соответствующего органа (учитывающую, в частности, особенности правового регулирования, его компетенционно-функциональное наполнение в национальных государственно-правовых системах), но также теоретическую доктрину, концептуальную модель конституционного правосудия и, конечно, саму практику реализации данной формы государственно-властной (судебной) деятельности. При всем многообразии, многоплановости проблематики, охватываемой онтологией конституционного правосудия, представляется, что своего рода базисные начала уяснения природы и назначения этого института – если иметь в виду статические (статусные) и динамические (функциональные) его характеристики – коренятся в понимании органов конституционного правосудия как универсального института разрешения с помощью правового инструментария социальных противоречий в обществе и государстве и

достижения на этой основе баланса власти, собственности и свободы.

При этом само соотношение власти, собственности и свободы – как взаимосвязанных, взаимозависимых и чаще всего конкурирующих, а нередко и конфликтующих ценностей – предопределяет сущность Конституции и составляет основу всей системы современного конституционализма.

1. Сущность Конституции как отражение коллизийного единства власти, собственности и свободы. Эффективность конституционного регулирования, степень реальности провозглашаемых современных конституциями демократических принципов во многом определяются глубиной их проникновения в противоречия между властью, собственностью и свободой, в природу других социальных конфликтов современного общества и государства.

Важно учитывать, что конституция, при всей космополитичности самого понятия *constitutio*, – это явление конкретно-историческое, социокультурное и уже в этом смысле всегданационально-специфическое. Ведь общечеловеческие ценности демократии, свободы, равенства,

*Онтология конституционного правосудия могла бы стать важным дополнением, например, к активно развивающейся конституционной аксиологии, другим направлениям философии конституционализма и конституционного правосудия.

справедливости, священной и неприкосновенной частной собственности, прав человека и их примата по отношению к правам социальных общностей, в концентрированном виде сформулированные на заре современного конституционализма (17–18 вв.), не остаются неизменными ни во временном, ни в социокультурном пространстве. Этого нельзя не учитывать при всем уважении к ранее выработанным «стандартам» демократии. Так, вместо прежних двухвековой давности конституционных положений о безусловном примате личности по отношению к обществу и государству и соответственно первенству свободы в ее соотношении с государственной властью современные демократические конституции исходят из возможности и необходимости активного участия государства в обеспечении прав граждан на основе поиска баланса между властью и свободой. Как справедливо отмечается в одном из весьма глубоких исследований проблем конституционного правосудия, «рассуждения о приоритете прав и свобод человека и гражданина в идеальном (естественно-правовом) состоянии, о правовом государстве, которое конституционно призвано быть социально ориентированным на общество, как главным условием его благополучия, скорее относятся к принципам и целям, отодвигая реально существующие социальные явления» [5].

Процесс исторических преобразований, сопровождавший, в частности, и Россию, и Украину на протяжении двух последних десятилетий, выдвигает на передний план исследование Конституции как документа, впитавшего в себя все многообразие социальных противоречий этого периода и призванного конституционно-правовыми средствами способствовать – как реально действующий, работающий акт – разрешению соответствующих противоречий и коллизий между властью, собственностью и свободой.

Сущностные характеристики Конституции проявляются в том, что она является юридически узаконенным балансом интересов всех социальных групп общества, мерой достигнутого в обществе и государстве баланса между властью, собственностью и свободой. Уже поэтому, с юридической точки зрения, Конституция – политико-правовое порождение наиболее значимых социальных противоречий, выражающих в том числе взаимоотношения личности, общества и государства, свободы и власти в ее политическом и экономическом проявлениях. Не является исключением здесь и Конституция РФ 1993 года.

В чем же состоит смысл баланса власти, собственности и свободы и как его обеспечить, если иметь в

виду, что, с одной стороны, реальная свобода личности невозможна вне сильной государственности, а с другой – сильное государство, не обеспечивающее последовательной защиты свободы и не осознающее меры, пределов своего участия в экономической жизни общества, обречено на вырождение в тоталитарный режим?

При поиске ответов на эти вопросы необходимо, в порядке дальнейшего проникновения в содержание и природу Конституции, уяснение того, что основополагающие характеристики этого документа, в их соотношении с социальными противоречиями и правовыми средствами разрешения, могут быть представлены в триедином качестве: а) Конституция как порождение социальных противоречий современного общества; б) Конституция как юридизированная форма отражения, воспроизведения противоречий, присущих современному обществу и государству; в) Конституция как нормативно-правовая основа формирования институциональных средств (механизмов) разрешения соответствующих противоречий и поиска баланса между властью, собственностью и свободой.

При этом сама Конституция не только является некоей праксиологической основой государственно-властной деятельности по разрешению социальных конфликтов и противоречий между властью, собственностью и свободой, но и имеет безусловное аксиологическое значение как основа разрешения правотворческих и правоприменительных противоречий. Будучи нормативно-правовым актом высшего порядка, Конституция является выражением ценностно-нормативной системы, которая, получая свое конституционное оформление, оказывает на общество обратное воздействие посредством учреждаемой Конституцией институциональной системы.

Одновременно Конституция призвана определять и институциональные средства достижения баланса между властью, собственностью и свободой и на этой основе – разрешения социальных противоречий. Среди таких средств можно выделить две основные разновидности: а) всеобщие, универсальные институты, которые могут быть использованы для гармонизации любых противоречий и конфликтов между властью, собственностью и свободой: разделения властей (ст. 10), федерализма (ст. 5), политического и идеологического многообразия, многопартийности (ст. 13); б) специальные институты, имеющие конкретно-целевое назначение с точки зрения разрешения конфликтов в конкретных сферах государственной и общественной жизни (ропуск Государственной Думы (ст. 109); президентское вето (ст. 107); недоверие правительству

(ст. 117); петиции (ст. 33); индивидуальные и коллективные трудовые споры, включая право на забастовку (ч. 4 ст. 37); судебное обжалование решений и действий органов государственной и муниципальной власти, общественных объединений и должностных лиц (ч. 2 ст. 46) и т.д.).

Особым универсальным институтом разрешения социальных противоречий и достижения баланса власти, собственности и свободы является судебно-конституционный контроль, представленный в России деятельностью Конституционного Суда РФ, а также конституционных (уставных) судов субъектов РФ.

2. Гармонизация политической и экономической власти в соотношении со свободой – первостепенная задача конституционного правосудия.

Многовековой исторический опыт свидетельствует, что условием и предпосылкой успешного развития эффективной и социально ответственной экономики является «отпочкование» власти экономической от власти политической. Цивилизованный рынок, основанный на принципах конституционной экономики, предполагает отношения самостоятельного функционирования государственной (политической) власти и власти собственности (экономической). Дистанцирование экономической власти от политической стало в свое время величайшим достижением нового буржуазного строя, основанного на принципах конституционализма. В этой связи чрезвычайно актуальной является конституционная по своей природе проблема равноудаленности политической власти от собственности. Только в условиях, когда политическая власть отделяется от экономической, появляется возможность для обособления политических и экономических отношений, что, в конечном счете, является основой и условием для правового прогресса, в том числе на основе гармонизации институтов публичного и частного права.

Нельзя, однако, не учитывать, что в современных условиях перехода к постиндустриально-информационному обществу возникает новое глобальное конституционное противоречие, проявляющееся в очередном витке сближения и порой слияния политической и экономической власти, как бы возврате политической власти в свое исходное состояние (когда она была «поглощена» собственностью). На этой основе становится возможным формирование системы так называемой корпоративной демократии, которая является «результатом слияния политической, экономической и административной сил», «своим характером искажена, игнорирует принцип верховенства права, основана на теневой

экономики и реалиях абсолютизации власти» [1].

Вместе с тем проблемы, связанные с политизацией и бюрократизацией экономики, очевидно, возникают не только в социально-экономической плоскости, но имеют и юридическое, конституционно-правовое измерение. Речь идет не только о том, что та или иная негативная социальная практика может породить отклоняющиеся от конституционно заданных типы, методы и конкретные способы нормативного регулирования социально-экономических отношений, «узаконивающие» сближение политической и экономической власти. Существует и обратная связь: законодательство может оказывать (прямо или косвенно) фактически стимулирующее воздействие на формирование «теневых» связей между политической властью и хозяйствующими субъектами. В настоящее время факторами такой негативной коммуникации являются, например, неопределенность статуса субъектов конституционного права с точки зрения отнесения их к юридическим лицам и связанная с этим проблема участия субъектов публичного права в гражданских правоотношениях.

В этой ситуации существенно возрастает потребность в государственном влиянии на соответствующие процессы с целью поддержания автономии и цивилизованного обособления названных властей, которое, подчеркнем особо, должно проявляться не в наращивании нормативного массива, регулирующего экономические отношения и взаимоотношения бизнеса и власти, а через планомерное внедрение конституционных принципов как в сферу реализации публичной власти, так и в экономическую систему.

Здесь важно отметить, что соответствующая проблематика получает свое отражение и в деятельности Конституционного Суда РФ. Правовые позиции Конституционного Суда РФ, базируясь на конституционно значимых принципах разделения политической и экономической власти, недопустимости их слияния, сращивания и в то же время их гармонического баланса, ориентированы главным образом на недопущение подчинения политической властью власти экономической². Выделение этого аспекта, вероятно, не случайно, если учитывать генезис современной национальной экономики, ее историческую ретроспективу.

В то же время в практике конституционного правосудия (хотя и менее заметно) отражен и другой аспект соответствующих конститу-

ционных принципов, исключаяющий внеправовое влияние экономической власти на принятие политических решений. Примером здесь может служить правовая позиция, согласно которой недопустимо распространение договорных отношений (и, очевидно, в более широком плане рыночных отношений. – Н. Б.) и лежащих в их основе принципов на те области социальной жизнедеятельности, которые связаны с реализацией государственной власти; поскольку органы государственной власти и их должностные лица обеспечивают осуществление народом своей власти, их деятельность (как сама по себе, так и ее результаты) не может быть предметом частного-правового регулирования, так же как и реализация гражданских прав и обязанностей не может предопределять конкретные решения и действия органов государственной власти и должностных лиц [3].

Анализ закономерностей и тенденций развития современного общества свидетельствует, что экономические отношения все больше вовлекаются в сферу юридического, в том числе конституционно-судебного, воздействия. Более того, некоторые ученые пытаются представить современное право не как систему правил, нормативов, а как некий элемент экономической системы. И это наиболее характерно не для марксистской правовой теории (применительно к которой именно экономический детерминизм всегда рассматривался в качестве одного из главных недостатков), а для сторонников возникшей на Западе концепции экономического анализа права, главным постулатом которой является утверждение, что логика права всецело находится в экономике³.

Но какими бы ни были концептуальные подходы к пониманию природы права, его соотношению с экономикой, очевидно, что современные тенденции нормативно-правового наступления на социально-экономическую сферу требуют в не меньшей степени, чем прежде, четких конституционных ориентиров. При этом именно конституционное правосудие с присутствием ему аксиологическим инструментарием призвано давать ответы на многие вопросы, связанные с надлежащим соотношением власти, собственности и свободы, при котором публичная власть действовала бы в правовых рамках всеобщих интересов, а собственность, будучи обособленной от политической власти, обеспечивала бы эффективный

рост экономического потенциала государства и на этой основе утверждались бы принципы социальной ответственности бизнеса.

3. О конституционных критериях разрешения противоречий между властью, собственностью и свободой, пределах вмешательства Конституционного Суда в эту сферу.

Закрепляя инструментальный набор средств разрешения социальных противоречий, Конституция одно-

День 15 вересня

Міжнародний день демократії

Оскільки демократія належить до універсальних і неподільних основних загальнолюдських цінностей і принципів Організації Об'єднаних Націй, 8 листопада 2007 року у своїй Резолюції № А/RES/62/7, присвяченій підтримці зусиль урядів із розвитку і зміцнення демократій, Генеральна Асамблея ООН проголосила Міжнародний день демократії, заснований у зв'язку із прийняттям у вересні 1997 року Міжпарламентським союзом Загальної декларації про демократію. У резолюції державам-членам ООН, урядовим та неурядовим організаціям, приватним особам пропонується відзначати цей день із метою підвищення інформованості громадськості про розвиток демократичних традицій, що ґрунтуються на вільному волевиявленні народу і тісно пов'язаних із забезпеченням правопорядку та здійсненням прав і основних свобод людини. Крім того, документ закликає Генерального секретаря ООН ужити заходів для того, щоб організація також відзначала це свято на офіційному рівні.

Хоча у демократії є спільні риси, для всіх держав не існує її єдиної моделі. Заходи з підтримки зусиль урядів щодо заохочення та зміцнення демократії ООН здійснює відповідно до Статуту і лише на конкретне прохання відповідних країн-членів.

Відомо, що проголошенню цього дня активно сприяли країни, які самі розвивають і зміцнюють власні демократичні засади. Зокрема, пропозицію відзначати свято і відповідну резолюцію на розгляд ГА ООН внісла Міжнародна конференція країн нової і відродженої демократії за підтримки головуєчого на той час у ній Катару.

Ю. Ц.

² См., например.: Постановление КС РФ от 28 апреля 1992 г. №4-П // СЗ РФ. – 1992. – № 21. – Ст. 1141; Определение от 1 октября 1998 г. №168-О // Вестник КС РФ (в дальнейшем – ВКС РФ). – 1999. – № 1; Постановление КС РФ от 19 декабря 2005 года №12-П // СЗ РФ. – 2006. – № 3. – Ст. 335.

³ Пожалуй, наиболее известным является в этом плане двухтомный труд Ричарда А. Познера «Экономический анализ права» (Перевод с англ. под. ред. В. Л. Тамбовцева. – СПб, 2004).

временно выступает и аксиологической основой поиска баланса между властью, собственностью и свободой, что в практической деятельности органов конституционного контроля отражается посредством действия вытекающих из Основного Закона критериев конституционности принимаемых ими решений. При всем многообразии системы конституционных критериев разрешения противоречий между властью, собственностью и свободой особое место принадлежит принципам и основам конституционного строя, обладающим своего рода «метаяридической» силой, если учитывать, что не только положения каких бы то ни было законов, но и, как указано в ч. 2 ст. 16 Конституции РФ, «никакие другие положения настоящей Конституции не могут противоречить основам конституционного строя Российской Федерации». В операционном же плане, с точки зрения осуществления конституционно-судебного нормоконтроля, на первое место можно поставить критерии равенства и справедливости.

По смыслу Конституции РФ требования равенства и справедливости, получая нормативное выражение в преамбуле Конституции и практически во всех последующих главах (включая главы 1 и 2), имеют универсальное содержание, что находит различные нормативно-правовые формы своего проявления. Так, равенство выступает не только как требование правового положения человека и гражданина, но и как принцип правового государства, основа конституционного строя, как одна из основ федерализма, и, более того, как некая политико-правовая основа гражданского общества, особая форма (режим) достижения юридического равновесия на основе достижения баланса интересов людей и групп населения, политической элиты и бизнеса и т. д.

Российским государством был взят курс на реальное достижение экономической и политической свободы, равенства и справедливости, хотя оптимальный баланс между этими конституционными ценностями пока не найден. Это объясняется не только несовершенством законодательства и правоприменительной практики, но и объективными внутренними противоречиями между принципами правового государства (равноправие граждан) (ст. 1 Конституции), с одной стороны, и социального государства (справедливость и социальное равенство) (ст. 7) – с другой. В теории и практике российского конституционализ-

ма концептуальные подходы к решению соответствующих проблем лишь формируются. Новая конституционная концепция социальной справедливости и равенства должна воплощать в себе сплав теории и практики, отражать единство нормативной модели регулирования соответствующих отношений и практики, в том числе судебной, их защиты. И на этом уровне пока отсутствует единый концептуальный подход.

В конечном счете речь идет о выборе между двумя концепциями: а) классическая либеральная концепция свободы, основанная на противопоставлении равенства и свободы и предполагающая минимальное участие государства в социальном вспомоществовании, исключаяющая юридически зафиксированные в Конституции социальные обязанности государства перед гражданином; б) концепция «социально ориентированной» свободы в социальном правовом государстве. Конституционной системой координат той и другой концепций задаются, в свою очередь, и параметры взаимоотношений власти и собственности.

Конституция России, весьма либеральная с точки зрения общеправовых, мировоззренческих подходов к решению фундаментальных проблем политической власти, рыночной экономики, положения личности в обществе и государстве, в то же время безоговорочно закрепляет нормативно-правовую модель «социально ориентированной» свободы. Достаточно отметить тот факт, что уже в ст. 7 (ч. 1) Конституции РФ, содержащей формулу социального государства, есть указание на «свободное развитие человека» как сущностную характеристику, важнейшую цель социального государства. Между тем, свобода – главная доминанта правового, но не социального государства; для социального государства такой доминантой являются идеи справедливости и равенства.

В то же время есть основание полагать, что конституционная модель социального государства, закрепленная в Конституции РФ, содержит некий внутренний резерв для преодоления противоречий между принципами социального государства, с одной стороны, и правового государства – с другой, на основе баланса соответствующих конституционных ценностей. В поиске такого баланса роль Конституционного Суда незаменима. Показательно, что в Постановлении от 19 июня 2002 года о проверке конституционности положений Закона РФ «О социальной защите граждан, подвергшихся воз-

действию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» конституционная обязанность государства по возмещению вреда здоровью выводится из природы Российской Федерации и как социального, и как правового государства со ссылкой на ст.ст. 1, 2 и 7 Конституции РФ (п. 2 мотивировочной части постановления). Более того, в этом же постановлении принцип справедливости выводится из норм ст.ст. 1 и 7 Конституции наряду с принципом равенства (ст. 19) [6]. В этой связи обращает на себя внимание также сформулированная и неоднократно подтвержденная Конституционным Судом РФ правовая позиция о недопустимости произвольного отказа государства от ранее принятых на себя публично-правовых обязательств перед населением, что, как это вытекает из соответствующих решений Конституционного Суда, является кумулятивным эффектом действия принципов правового и социального государства⁴.

Конституционный Суд РФ, занимаясь соответствующими вопросами, активно влияет на законотворческую и правоприменительную практику, способствуя разрешению противоречий между бизнесом и властью, требованиями социальной справедливости и экономической свободы личности. Поэтому КС, учитывая и его полномочия как «суда над властью», и природу его решений как особых источников права, – больше, чем суд [2].

Действительно, Конституционный Суд может многое. Но не все. Для него тоже существуют объективные пределы вмешательства в соответствующие сферы отношений власти, собственности, свободы. Одним из сложных является для него вопрос об экономических возможностях государства как объективном пределе конституционно-судебной защиты социальных прав. Речь идет о том, в какой мере и каким образом Конституционный Суд РФ должен учитывать при разрешении конкретных дел о конституционности норм социального законодательства (с чем, пожалуй, в наибольшей степени связаны современные социальные противоречия) материально-финансовые возможности государства. Допустима ли квалификация материально-финансовых возможностей государства в качестве некой меры обязанностей государства перед своими гражданами по обеспечению социальных прав? Немаловажным является и аспект исполнения решений Конституционного Суда по социальным вопросам, ведь в

⁴См., например: Определения КС РФ: от 30 сентября 2004 года № 308-О // ВКС РФ. – 2005. – № 2; от 22 апреля 2005 года № 206-О // Архив КС РФ. – 2005; от 5 июля 2005 года № 246-О // СЗ РФ. – 2005. – № 33. – Ст. 3493; от 1 декабря 2005 года № 462-О // СЗ РФ. – 2006. – № 6. – Ст. 733.

основе реализации имеющих общеобязательное значение соответствующих судебных актов лежат не только правовые, но и прежде всего финансово-экономические факторы.

Все это тем более важно учитывать, так как Конституция РФ, закрепляя институты социальной защиты и социальные права граждан, содержит лишь общие, принципиальные установки в данной сфере. Конкретное решение этих вопросов, в соответствии с Конституцией и правовыми позициями Конституционного Суда РФ, относится к прерогативам федерального законодателя, обладающего при этом весьма широкой степенью усмотрения. В то же время это ни в коей мере не предполагает освобождения государства от конституционной обязанности по обеспечению социальной защиты граждан, а, напротив, обуславливает выработку оптимальных механизмов урегулирования отношений в этой сфере, основанных на балансе между социальными потребностями населения, политической волей государства и его экономическими возможностями на конкретном этапе развития. Поэтому принципиально важной является позиция Европейского суда по правам человека о том, что «не является допустимым для власти какого-либо государства ссылаться на недостаток денежных средств как причину невыплаты долга по судебному решению» [4].

Но, выполняя социальную функцию, государство не только вправе, но и обязано предусмотреть некие минимальные стандарты социальной защиты, соотношенные с объективными показателями, характеризующими потребности гражданина в пользовании минимальным набором социальных благ. Соответствующие стандарты, обладая комплексной социально-экономической и правовой природой, выполняют двойственную функцию. Они представляют собой юридическую форму опосредования, с одной стороны, экономических возможностей государства в обеспечении социальных прав граждан, а с другой – меру признаваемых государством социально-экономических потребностей гражданина, неудовлетворение которых ставит под сомнение человеческое достоинство, возможность реализации всех иных конституционных прав и свобод, что ведет, по существу, к отрицанию конституционно-го статуса личности.

В связи с этим роль Конституционного Суда РФ как одного из институтов социальной защиты граждан состоит в том, чтобы гарантировать

правовое согласование и разграничение социально-политических интересов, формировать разумный правовой баланс между социальной защищенностью и личной свободой, поддержкой нуждающихся и экономической эффективностью, обеспечением социального мира и созданием политических условий для динамичного развития. Однако важным аспектом конституционно-правового значения экономических возможностей государства является вопрос о допустимости использования их оценок при разрешении дел о конституционности положений законов, касающихся социального обеспечения. В этом вопросе Конституционный Суд РФ выработал предельно четкий подход: оценка целесообразности и экономической обоснованности решений законодателя не относится к его полномочиям⁵.

Но как быть, если принцип экономической обоснованности закрепляется правовым и приобретает не только экономическое, но и правовое содержание? Примером здесь является закрепленный в ст. 3 (ч. 3) Налогового кодекса РФ принцип экономической обоснованности налогов. В этом случае следует различать, например, при рассмотрении налоговых дел, с одной стороны, вопрос экономической целесообразности (что не входит в компетенцию Конституционного Суда) и, с другой, – экономической обоснованности, что является – при всей его сложности! – предметом конституционного судебного контроля.

Активная роль Конституционного Суда РФ в этой сфере проявляется также в конституционализации отношений власти, собственности и свободы, в частности на основе требований равенства и справедливости как социального, так и рыночного законодательства, политических институтов защиты прав и свобод граждан. При этом особенно важным является поиск баланса интересов и несовпадающих, а порой и противостоящих, ценностей. Решение этих проблем – важная задача и одновременно реальная характеристика конституционного правосудия России и Украины.

Джерела

1. Арутюнян Г. Угрозы корпоративной демократии // Конституционное правосудие. – Ереван. – 2006. – 3(33). – С. 41, 42.

2. Бондарь Н. С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. – М.: НОРМА, 2011. – С. 87–100.

3. Постановление КС РФ от 23 января 2007 г. №1-П // СЗ РФ. – 2007. – № 6. – Ст. 828.

4. Решение Европейского суда по правам человека от 7 мая 2002 года «Дело Бурдов против России» // Российская газета. – 2002. – 4 июля.

5. Селиванов А. А., Стрижак А. А. Вопросы теории конституционного правосудия в Украине: актуальные вопросы современного развития конституционного правосудия. – К.: Логос, 2010. – С. 5.

6. СЗ РФ. – 2002. – № 27. – Ст. 2779.

День

21

вересня

Міжнародний день миру

Знаменує глобальний заклик до припинення вогню й відмови від насильства в усьому світі. Спочатку Генеральна Асамблея ООН у Резолюції № А/RES/36/67 від 30 листопада 1981 року запропонувала святкувати цей день у третій вівторок вересня, коли зазвичай відкривається її щорічна сесія. Рішення ж про перенесення Міжнародного дня миру на 21 вересня було прийнято на 55-й сесії ГА ООН 28 вересня 2001 року.

Щорічно церемонія святкування починається зі звернення Генерального секретаря ООН до всіх народів світу, після чого він ударяє у «Дзвін миру», відлитий з монет, пожертвованих людьми з майже 60 країн, який передала в дар ООН японська Асоціація сприяння Організації Об'єднаних Націй 1954 року. Дзвін установлено на подвір'ї передбудівлею Секретаріату ООН під склепінням типово японської споруди з кипарисового дерева, що нагадує синтоїстський храм. На ньому зроблено пам'ятний напис: «Хай живе загальний мир у всьому світі». Взагалі, у дзвін заведено вдаряти двічі на рік: у день весняного рівнодення і 21 вересня – у Міжнародний день миру.

Народи земної кулі 2011 року святкуватимуть 30-ту річницю Міжнародного дня миру під гаслом «Зроби так, щоб твій голос почули».

Ю. Ц.

⁵ См., например: Определения КС РФ: от 7 февраля 2002 г. №37-О // СЗ РФ. – 2002. – № 20. – Ст.1913; от 5 ноября 2003 г. №403-О // ВКС РФ. – 2004. – № 1; от 22 января 2004 г. № 12-О // Архив КС РФ. – 2004.

